

**ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ 1937-1938 гг.
(НА ПРИМЕРЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

© 2015 А.В. Захарченко

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 05.10.2015

В публикации рассматриваются механизмы реализации сталинских репрессий в 1937-1938 гг. на примере Куйбышевской области. Показано воздействие политики террора на элиту провинциального общества.

Ключевые слова: репрессии, террор, Куйбышевская область, партийная элита, советское общество.

Изучение политики репрессий в СССР в период террора 1937-1938 гг., набирая обороты в 1990-е гг., оформилось в отдельное направление истории советского периода¹.

Среди обширной историографии репрессий 1937-1938 гг. практически нет исследований, посвященных периоду сталинского террора в Куйбышевской области². В обобщающих трудах и документальных сборниках эта тема также не рассматривалась. Исключение составляют работы известного историка О.В. Хлевнюка, затрагивавшего сюжет, связанный с деятельностью П.П. Постышева на посту секретаря Куйбышевского обкома партии³. В региональной историографии к числу исследований о событиях 1937 г. относится небольшая по объему книга А.Н. Рыбкина и Д.Л. Кушнера, опубликованная в 1992 г. и посвященная делегатам XVII съезда ВКПб – представителям партийной номенклатуры, в разное время работавшим в указанном регионе и подвергшимся в 1937-1938 гг. репрессиям⁴. Из последних публикаций отметим биографический справочник о руководстве партийной элиты Самарского Поволжья. Он содержит краткие очерки о деятельности 32-х первых партийных секретарей и охватывает период 1917-1991 гг.⁵

В обобщающих трудах по истории Самарского Поволжья период репрессий не был включен в событийный контент.

Таким образом, проблема 1937 года в Поволжье в силу своей недостаточной разработанности требует дальнейших усилий историков.

Целью данной статьи является раскрытие на основе архивных документов механизма политики террора на примере Куйбышевской области, как в отношении партийной элиты, так и в более широком общественном контексте. В годы репрессий в Куйбышевской области в партийных рядах проводились чистки такого масштаба, что это привело к параличу работы местных органов

*Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.
E-mail: zaharchenkoav@gmail.com*

власти и хозяйственных организаций. Автор придерживается позиции, согласно которой сталинские репрессии следует рассматривать как метод управления обществом и государством. Данная статья позволит на примере одного из регионов европейской части СССР оценить направленность репрессий, их результаты, а также издержки, к которым они вполне закономерно привели, вопреки ожиданиям авторов и исполнителей террористической политики. Сами исполнители играли отведенную им роль в проведении «курса партии» на искоренение врагов народа и придавали репрессиям на местном уровне местный «колорит». Личностный фактор партийной элиты в связи с этим также стоит учитывать, характеризуя репрессии на местах.

В Куйбышевской области накал репрессивной кампании в 1937 г. пришелся на 9 месяцев руководства регионом П.П. Постышевым, назначенным на должность первого секретаря крайкома партии в марте 1937 г. Снятый с поста руководителя Киевского обкома партии на Украине за отсутствие политической бдительности по отношению к «врагам народа», Постышев прибыл в Куйбышев с намерением «исправить» допущенные «ошибки» и твердо проводить решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., которые ознаменовали собой начало массовых политических репрессий в СССР.

Подправив политическое поведение Постышева в сторону ведения бескомпромиссной борьбы с «внутренним врагом», засевшим в партийных рядах, Сталин добился желаемого результата – по приезду в Куйбышев Постышев развернул энергичную деятельность по очистке партийных организаций от врагов и вредителей. Пройдет время, и старания Постышева охарактеризуют как «провокацию» и «избиение партийных кадров», что будет стоить ему поста секретаря, а потом и жизни, но в 1937 г. такая линия поведения вполне соответствовала требованиям Москвы и была типичной и для других региональных партсекретарей.

Сам П.П. Постышев так описывал свое отношение к партийным органам в Куйбышевской области: «Руководство там и советское и партийное было враждебное, начиная от областного руководства, и кончая районным. <...>. Что тут удивляться? Вот Хатаевич⁶ сидел несколько лет, сменил его Шубриков⁷, потом Левин⁸. Я подсчитал и выходит, что 12 лет сидели враги. По советской линии то же самое сидело враждебное руководство <...>. У нас в облисполкоме вплоть до технических работников самые матерые враги, которые признались в своей вредительской работе и ведут себя нахально, начиная с председателя облисполкома, с его заместителя, консультантов, секретарей – все враги. Абсолютно все отделы исполкома были засорены врагами. Вот возьмите по торговой линии там тоже сидели враги <...>. Теперь возьмите председателей райисполкомов – все враги. 66 председателей райисполкомов – все враги. Подавляющее большинство вторых секретарей, я уже не говорю о первых, – враги, и не просто враги, но там много сидело шпионов: поляки, латыши, подбирали всякую махровую сволочь... Потом уполномоченный КПК⁹ – тоже враг и оба его заместителя враги – шпионы. Возьмите Советский контроль – враги»¹⁰.

Соответствующий настрой был и у подчиненных Постышева. В направленной ему из отдела руководящих партийных органов Куйбышевского обкома докладной записке «о проведенной работе по разоблачению врагов народа и ликвидации последствий вредительства в области» за период с 1 января по 31 декабря 1937 г. отмечалось, что все участки партийной и хозяйственной работы в области были засорены «отъявленными врагами народа – троцкистско-бухаринской сволочью»¹¹.

С августа 1937 г. в районах области началась кампания по разоблачению «врагов народа». На места посылались следственные бригады из «политически подготовленных товарищей»¹². Следуя общим установкам из Москвы, Постышев развернул массовую кампанию по разоблачению якобы существовавших заговорщицких групп. Осенью 1937 г. в парторганах региона начались массовые чистки. В аппарате обкома было обвинено во вражеской деятельности и арестовано органами НКВД 40 человек. Было распущено 34 райкома партии и ряд крупных парткомов заводов. За второе полугодие 1937 г. состав парторганизации области уменьшился на 3223 человека¹³. По мнению руководства отдела партийных органов Куйбышевского обкома, подавляющее большинство руководящих работников обкома и облисполкома принадлежало к «шайке вредителей» и было вычищено из аппарата¹⁴.

Такая же ситуация была в Куйбышевском горкоме партии. В сентябре 1937 г. на пленуме Куйбышевского горкома были исключены из партии 2-й секретарь горкома Сусман, секретари Кутузов и Николаев и еще 20 работников горкома

партии. Все они, помимо лишения должностей и партбилетов, были арестованы как враги народа. Полностью были распущены 5 бюро райкомов г.Куйбышева и избран новый состав¹⁵. Чистка была проведена в Пензенском горкоме партии, где были исключены из партии и арестованы партийные руководители городского уровня во главе с первым секретарем Пензенского горкома Старостиным. Исключение «вредительской группы» Старостина из партии состоялось на сентябрьском пленуме Пензенского горкома¹⁶. Были арестованы также начальник РО НКВД Филиппов, председатель Пензенского горсовета Суханов, хозяйственные руководители.

В сентябре же состоялось заседание расширенного пленума Сызранского горкома партии, где все руководство было обвинено в участии в троцкистско-бухаринской организации. В итоге как враги народа сняты со своих постов, исключены из партии и арестованы руководитель горкома Соловейко, председатель горсовета Просвиринов и др. Обвинялись они в том, что находились в тесной связи с «троцкистско-бухаринским краевым центром» во главе с бывшим руководителем Куйбышевской области В.П. Шубриковым¹⁷.

В сентябре-октябре 1937 г. прошли чистки и среди руководства сельских районов области. Все хозяйственные нарушения, провалы были истолкованы как вредительство и диверсия (падение урожайности из-за некачественного сева, износ сельхозтехники, падеж скота, который объясняли сознательным уничтожением)¹⁸. Фактам бесхозяйственности придавался политический оттенок. В основу просчетов в управлении, хозяйственных нарушений и преступлений на местах подводился антисоветский умысел. Причину неудовлетворительной организации посевной и падежа скота нашли во вредительской деятельности руководства Сызранского горкома партии, куда, по мнению Постышева, пробрались враги народа. Проблемы с организацией производства и выполнением плана на заводе им. Володарского в г.Ульяновске стали, с подачи областного руководства, предметом специального разбирательства в Ульяновском горкоме ВКПб. Директор завода А.В. Чайка был обвинен как враг народа в проведении диверсии (брак, поломка оборудования). В сентябре 1937 г. на расширенном пленуме руководители Ульяновского горкома «были разоблачены» как вредители, «диверсионная работа» которых, как оказалось, проводилась открыто во всех областях хозяйственной и культурной жизни города. В результате первый секретарь горкома А.П. Белов вместе с другими работниками горкома был снят с должности и исключен из партии¹⁹. В 1938 г. он был расстрелян.

Аналогичные чистки были проведены в Чапаевском горкоме, поводом к которым послужила катастрофа на одном из крупнейших в стране предприятий по производству боеприпасов –

заводе №15. Летом 1937 г. там прогремело два взрыва, жертв избежать не удалось. Событие было расценено как «троцкистская диверсия». Под вредительство попали также срыв жилищного строительства и городского благоустройства, неудовлетворительное снабжение рабочих продовольствием, в котором руководство обкома усмотрело стремление посеять недовольство среди трудящихся. В итоге на пленуме партийное и советское руководство г. Чапаевска (секретарь городского комитета ВКПб Руденко, председатель городского совета Сыров), ряд других партийных и хозяйственных работников (директора МТС, секретари парткомов заводов) лишились своих должностей. В партийных организациях заводов города из партии исключили 20 человек как участников «троцкистско-диверсионной деятельности»²⁰.

Такая же кампания после февральско-мартовского пленума ЦК ВКПб 1937 г. была проведена в отношении чистки кадров комсомольской организации Куйбышевской области. По решению V областной конференции ВЛКСМ в районы области также были направлены инструктора обкома комсомола, комсомольский актив, которые разоблачали «врагов народа и их пособников, пробравшихся в комсомол»²¹.

Исключение из комсомола ряда сотрудников и их арест в основном мотивировались связью с врагами народа. Всего по этой мотивировке, в сочетании с бытовым разложением (что порой становилось первоначальной причиной разбирательства) к 15 декабря 1937 г. были сняты с работы 5 районных секретарей комсомольских организаций в области. Всего чистке в горкомах и райкомах области подверглись 29 человек²².

Об «усердии» комсомольских лидеров в выявлении «вредителей» и членов «троцкистских организаций» среди молодежи свидетельствует, например, тот факт, что в селе Чекалинка Похвистневского района Куйбышевской области вскрыли контрреволюционную группу из 12 человек в возрасте от 8 (!) до 17 лет²³. По данным областного НКВД, эту группу возглавлял некий Языкин, вербовавший в свою организацию «детей белогвардейцев, кулаков, лишенцев, детей исключенных из партии». Несмотря на то, что вся деятельность группы свелась к сожжению объявления о выборах в Верховный Совет и написанию двух листовок с лозунгом «Да здравствует Конституция *победившего* социализма!», бдительные комсомольцы – комсорг школы и пропагандист райкома ВЛКСМ написали донос, по которому было арестовано 5 человек.

Не ускользали от наблюдательных доносчиков и критические отзывы колхозников о выборах в Верховный Совет и проведении религиозной агитации среди сельского населения. Обо всех этих фактах они аккуратно докладывали в НКВД, как, например, это произошло в с. Смышляевка, где по

доносу одного из комсомольских активистов сотрудники НКВД арестовали 13 человек во главе со священником, которых обвиняли в организации выступления в день выборов в Верховный Совет в поддержку открытия церкви²⁴.

В августе 1937 г. в Куйбышевский обком для «оздоровления обстановки» был также направлен из Ленинграда на должность второго секретаря обкома Н.Г. Игнатов. Несмотря на то, что впоследствии ему выпала задача воплотить в Куйбышевской области очередной поворот в сталинской политике, связанный с осуждением так называемых «перегибов» при проведении репрессивных кампаний, Игнатов демонстрировал следование «линии партии». По крайней мере инициативы Постышева по чистке партийных и советских органов в области не встречали каких-либо возражений у его нового заместителя.

К концу 1937 г. старания руководителя Куйбышевской области по выявлению «троцкистов» и «вредителей» свидетельствовали о том, что Постышев зашел слишком далеко. В ноябре 1937 г. он направил в ЦК ВКП(б) Сталину и Жданову записку о выявленных в учебнике по истории СССР значках на портретах Сталина и Пушкина, «напоминающих фашистскую свастику». На обложках ученических тетрадей в репродукциях картин Васнецова и Крамского на сабле Олега было обнаружено слово «Долой», трупы в красноармейских шлемах, «а если повернуть рисунок вверх текстом, то можно обнаружить подпись, похожую на факсимиле Каменева»²⁵. В другом случае приступ бдительности вызвали подозрительные конфетные обертки и упаковки печенья, на которых усматривалась фашистская свастика²⁶. Ориентировки из центра на места с директивами усилить бдительность по выявлению «вредителей» и «врагов народа» ложились на подготовленную почву.

Подобные свидетельства, на первый взгляд ставящие под сомнение здоровое состояние психики Постышева, объяснялись простой демонстрацией преданности вождю. Однако Сталин контролировал ход репрессий, стихийное разрастание которых могло дезорганизовать работу партаппарата. Именно поэтому массовые чистки в партии и волна арестов были, если можно так сказать, скорректированы постановлением январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 г. «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии». В числе регионов, где прошли необоснованные исключения коммунистов из партии, называлась и Куйбышевская область.

Это означало крах карьеры Постышева. Первый секретарь Куйбышевского обкома был снят с должности, выведен из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и впоследствии арестован как враг народа.

9 января 1938 г. Политбюро приняло постановление о политически ошибочных решениях

Куйбышевского обкома. Его действия по роспуску районных парторганизаций расценивались как «вредные» и «провокационные». Получив строгий выговор, Постышев был освобожден от обязанностей первого секретаря обкома и направлен в распоряжение ЦК²⁷.

В Москве «тучи» над персоной Постышева продолжали «сгущаться». В период с 11 по 20 января в столице проходил пленум ЦК, в повестке дня которого был вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и мерах по устранению недостатков». С докладом выступал Г. Маленков. На заседании 14 января 1938 г., где обсуждали ситуацию в Куйбышевском обкоме, Постышев пытался отвести от себя обвинения, ссылаясь на отдельные факты «перестраховки» в отношении тех репрессированных, рассмотрение дел которых затягивалось. Однако от Постышева требовали признать дезорганизацию в партийных структурах в области (реплики Ежова, Маленкова)²⁸. Массовые исключения из партии по области (2 тыс. чел.) Постышев объяснял невозможностью контролировать этот процесс на уровне районных партийных комитетов, признав, что «исключенных из партии зря, очевидно, порядочное количество»²⁹. Первоначально Постышев пытался переложить вину на партийное окружение в вверенной ему области. В то же время с учетом того, что курс на террор еще продолжался, позиция Постышева, старавшегося быть образцом «большевистской бдительности», вполне объяснима с точки зрения следования указаниям Сталина. Этим, по-видимому, и объяснялось его первоначальное нежелание каяться, уверения присутствующих в том, что он следовал официальным установкам центрального руководства, очищая региональную парторганизацию от «замаскировавшихся врагов».

Такая демонстрация бдительности была встречена скептически членами ЦК. Молотов, Булганин, Микоян, Берия, Каганович своими репликами («не преувеличиваете ли вы?», «проверить надо материалы», «выходит, что во всех райкомах враги?», «честные люди хоть были там?», «нельзя обосновывать тем, что все были мошенники») давали понять, что уже выработали общее мнение по поводу оценки поведения первого секретаря Куйбышевского обкома, а точнее разделили мнение Сталина.

Сам Постышев первоначально не понимал или боялся признаться в том, чем грозит ему решение пленума, допуская личные перебранки с оппонентами. Однако вечернее заседание показало всю отчаянность его положения. Постышеву вменяли в вину тот факт, что проведенными чистками партийных рядов он подорвал авторитет местных партийных органов. В короткой реплике Сталин охарактеризовал действия Постышева по

роспуску райкомов как «расстрел парторганизации»³⁰. Это означало, что вся вина по «погрому кадров» будет возложена на областное руководство. При этом Сталин выступал как защитник низовых партийных работников от произвола вышестоящего начальства: «К себе они мягко относятся, а районные организации они расстреливают <...>. Это значит поднять партийные массы против ЦК, иначе это понять нельзя»³¹.

Взявший слово секретарь Куйбышевского обкома Игнатов, который в скором времени сменит отстраненного Постышева на посту руководителя региональной парторганизации, также поспешил обрушиться с критикой на своего шефа, обвинив его в игнорировании решений февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г. о борьбе с врагами народа. По мнению Игнатова, после визита члена политбюро ЦК А.А. Андреева в Куйбышев и передавшего Постышеву, что в Москве считают его борьбу по разоблачению врагов народа недостаточной, стиль руководителя областной парторганизации изменился: «Он (Постышев. – А.З.) всюду начал кричать, что нет порядочных людей, <...> что везде и всюду враги»³².

Реплики Сталина и столь смелое поведение Игнатова не сулили для Постышева ничего хорошего. Его поведение, судя по стенограмме, становилось все более нервным, и Андрееву, который вел заседание, пришлось просить Постышева сесть на место («это не зал для прогулок»). Постышев не унимался. Он просил дать ему слово в виде исключения вне очереди, просил Сталина, но все было тщетно.

Характеризуя Постышева как партийного работника, Л.М. Каганович указал на его «главный грех» – он не умеет отличать врага от друга, отметив, что Постышев совершает политическое преступление. Л.П. Берия упрекнул бывшего руководителя Куйбышевского обкома в том, что он вел выступление «с апломбом».

Осознав, к какому решению придет пленум ЦК, Постышев сменил «апломб» на уничижительную самокритику: «Клянусь вам, я никогда не хитрил. <...>. Я, товарищи, признаю целиком и полностью свою речь, которую я произнес здесь, неправильной и непартийной. Как я произнес эту речь – я и сам понять не могу. Я прошу Пленум ЦК простить меня. <...> Я ошибок наделал много. Я их не понимал».

Однако покаяние Постышева было проигнорировано. Взявший слово Сталин выразил «мнение политбюро» относительно того, что Постышева следовало бы вывести из состава кандидатов в члены Политбюро, оставив членом ЦК. Единогласное «за» означало, что судьба Постышева была решена³³. Получив сигнал из Москвы, областная партийная организация Куйбышевской области должна была поддержать решения центра, организовав проработку своего бывшего руководителя на очередном пленуме.

Он проходил 29-31 января 1938 г. Интересно, что представители регионального руководства обвинили своего бывшего шефа одновременно и в необоснованном погроме партийных кадров, и в отсутствии энергии в разоблачении вредителей и шпионов, провокационных директивах по сельскому хозяйству. Очевидно, что такое противоречивое толкование политики бывшего первого секретаря обкома свидетельствовало пока о корректировке Сталиным хода террористической кампании. Помимо принятия пленумом обкома постановления «О грубых политических ошибках бюро Куйбышевского обкома ВКПб и его бывшего первого секретаря Постышева» пленум утвердил согласованную Москвой кандидатуру нового областного руководителя – Н.Г. Игнатова, назначенного полгода назад в Куйбышев на должность второго секретаря обкома.

Как только местная партноменклатура получила сигнал в отношении Постышева, посыпался поток откровений и разоблачений «с мест». Возмущившийся по команде партхозактив приступил к разбору деятельности Постышева, итогом которой стал погром партийных и советских кадров в регионе. Один из членов Куйбышевской городской парторганизации Сельченков на пленуме горкома партии 2 февраля 1938 г. отмечал, что Постышев инициировал вывод депутатов из Куйбышевского горсовета: «Состряпали решение под непосредственным руководством Постышева и это решение было проведено на пленуме. Партгруппой пленума руководил т. Постышев, всем пленумом руководил Постышев»³⁴. Согласно справке инструктора обкома А. Кузьмина, к февралю 1938 г. из городского совета депутатов г. Куйбышева было выведено 83 чел., из них 30 чел., то есть более одной трети, арестовали³⁵. Обвинения были самые разные. Одних выводили как «врагов народа», других как «пособников врагов народа», третьих как лиц, «уличенных в саботаже», и т.д. Часть из них занимали руководящие посты в хозяйственных, социальных организациях, учреждениях образования. Так, за «связь с врагами народа и пособничество» депутатского статуса в Куйбышевском горсовете были лишены бывший и.о. председателя Фрунзенского райсовета Г.Я. Жемков, бывший ректор Индустриального института С.М. Калмыков, бывший главврач психбольницы М.И. Скобелева, бывший директор молокозавода М.П. Родионов³⁶.

В течение сентября - декабря 1937 г. Куйбышевский обком принял решение о роспуске 30-ти районных комитетов партии, причем решения принимались не на заседании обкома, а путем опросов. Как отмечалось в одной из записок, составленной для ЦК, «мотивы роспуска райкомов во всех случаях одинаковы – разоблачение некоторых руководящих работников, членов райкома, как врагов народа; исключение из партии нескольких других членов комитета либо за связь,

либо за пособничество врагам народа, наличие компрометирующих материалов на других членах РК ВКП(б)»³⁷. Как правило, райком распускали после того, как из бюро райкома на основании тех или иных компрометирующих материалов выводили руководство районного комитета. Так, например, Теренгульский райком был распущен после того, как все (!) члены бюро райкома оказались исключенными из партии, а большинству членов райкома «выразили политическое недоверие» за связь «с врагами народа»³⁸.

Однако, поскольку директив из центра о прекращении кампании террора не поступало и речь шла только о перегибах, новый руководитель области Игнатов цель свою видел в том, чтобы продолжать чистки, о чем заявил на пленуме обкома 10 июня 1938 г.: «Не снижая, а повышая бдительность коммунистов, связанную с дальнейшим разоблачением остатков врагов»³⁹. По-прежнему хозяйственным нарушениям, дисциплинарным проступкам на промышленных предприятиях, в организациях и аграрном секторе приписывался политический подтекст. Невыполнение плана, аварии на производстве, неудовлетворительное использование сельхозтехники, промышленного оборудования, материальные потери по причине брака – все это списывалось на вредительство. Так, на VI областной партийной конференции в июне 1938 г. секретарь обкома Игнатов поставил задачу «ликвидации последствий вредительства в промышленности и сельском хозяйстве»⁴⁰.

Архивные материалы показывают, что репрессивные кампании вместе с гипертрофированной бдительностью дали выход социальным конфликтам, имевшим бытовую, профессиональную, религиозную подоплеку.

Террор повлек за собой всплеск социально-бытовой агрессии, что видно на примере конкретных человеческих трагедий. Инициированная «сверху» кампания разоблачений с ярко выраженным политическим направлением на провинциальном уровне зачастую становилась банальным поводом для сведения счетов. В качестве примера расправы с людьми, обвиненными на основе ложных доносов, можно привести трагедию супружеской пары – П.С. Герасимова, бывшего директора сельской школы, и его жены В.И. Изергиной – завуча этой же школы. 17 ноября 1937 г. Герасимов застрелил жену из ружья, а потом покончил с собой. До того Герасимов был уволен с работы «за вредительство» и якобы сознательно скрываемую контрреволюционную деятельность в годы гражданской войны. Детали, приведшие к этой трагедии, стали проясняться сразу же после того, как была обнаружена предсмертная записка с подписями обоих супругов, которая адресовалась брату Герасимова. Вместо адресата записка попала в прокуратуру⁴¹. В записке супруги отмечали, что стали жертвой необоснованных обвинений во вредительстве и

травли со стороны своих односельчан – бывшего парторга первичной сельской парторганизации Казачка, преподавателя русского языка Куркина (работал с ними в одной школе) и председателя сельсовета Полякова. Записка, равно как и гибель учителей, послужила причиной расследования со стороны прокуратуры. По ее результатам выяснилось, что сельский парторг Казачек с октября 1937 г. подбирал материал для исключения Герасимова из партии (Герасимов состоял в партии с 1925 г.). Школу, где Герасимов был директором, неоднократно проверяли, но ничего преступного не нашли. Поскольку мы не располагаем другими материалами, проливающими свет на это дело, можно лишь предположить, что между Герасимовым и районным начальством имел место какой-то конфликт. По крайней мере после неудачной проверки, инициированной парторгом Казачком, в кампании по дискредитации Герасимова участвовали заведующий Челно-Вершинского районного отдела образования Ерошкин и председатель райисполкома Казаков, которые вновь провели обследование работы школы и материалы направили в райком партии с просьбой передать их в районный отдел НКВД. На основании этого по настоянию всё того же парторга Казачка Герасимов был исключен из партии за вредительство. Это решение было утверждено на заседании бюро райкома, а районному прокурору Тихонову было предложено привлечь Герасимова к уголовной ответственности. Ему были предъявлены обвинения, которые оказались ложными⁴². В итоге исключенного из партии Герасимова уволили с работы с поста директора (его место занял Ермаков) и привлекли к уголовной ответственности. После этого 13 ноября 1937 г. парторг Казачек собрал комсомольское собрание школы, на котором Герасимова объявили врагом народа⁴³.

Обстоятельства отдельно взятой человеческой трагедии рельефно отражают факт того, как репрессивная сталинская политика не только провоцировала конфликты разного уровня, в том числе бытовые, межличностные, но придавала им наиболее острый характер. Дальнейшая судьба недоброжелателей Герасимова, проявивших излишнюю бдительность, сложилась вполне стандартно для того времени. Их торжество было недолгим – и парторг Казачек, и районный прокурор Тихонов, и учитель Куркин также были репрессированы, получив различные сроки заключения.

О фактах огульного обвинения в контрреволюционных преступлениях без проверки и в натаскивании обвинений писали в феврале 1938 г. сотрудники Комиссии партийного контроля (КПК) по Куйбышевской области Куколев и Шишкова⁴⁴. Отмечалось, что по ряду дел обвиняемые давали вынужденные показания. Так, 31 января 1938 г. из партии был исключен и арестован Н.Д. Голубев за вредительство, которое выразилось в том, что Голубев дал распоряжение перегнуть

свинопоголовье совхоза Карсунского района в 30-градусный мороз. В результате чего произошел массовый падеж скота. Голубева обвинили по ст.58-7 УК, допрашивали неоднократно и вынудили признать выдвинутые обвинения. Однако в результате ознакомления с его делом сотрудников КПК выяснилось, что падеж скота хоть и имел место, но к Голубеву не имел никакого отношения, так как тот был работником столовой совхоза. Сотрудники КПК выдвинули версию, что эти обвинения в отношении Голубева возникли в результате склоки и личных счетов Голубева с директором совхоза Мошковым.⁴⁵

Требование сталинского руководства к исполнителям на местах обращать особое внимание на выявление разного рода «контрреволюционных» и «антисоветских» организаций вполне логично приводило к росту фальсифицированных обвинений, применению пыток к арестованным с целью получить данные об очередной группе «вредителей». Появление в информационных документах партийно-государственных органов власти сведений о «перегибах», как известно, было связано с новыми репрессивными кампаниями в отношении наиболее усердных нарушителей «социалистической законности». Так, Б.Н. Морозов – бывший редактор газеты «Сталинец» – периодического издания Средневолжского пароходства, в обращении от 19 июля 1939 г. к прокурору этого пароходства Лебедеву указывал, как, будучи арестованным по сфабрикованному делу о контрреволюционной организации, подвергся моральному и физическому давлению. Морозова насильно понуждали давать ложные показания, подписывать протоколы допросов с уже написанными следователями вопросами и ответами. Таким образом, сотрудниками НКВД была сфабрикована контрреволюционная группа из работников редакции и типографии газеты. Дело редакции велось два года. Морозов отмечает, что допрашивали его по ночам, ставили на конвейер, избивали⁴⁶.

Наказание за «перегибы» и «извращение революционной законности» в отношении как партноменклатуры, так и представителей карательных ведомств, допускавших нарушения даже формальных процедур ареста и следственных действий, означало лишь корректировку сталинского репрессивного курса, «одергивание» региональных элит за чрезмерную активность в разоблачении «врагов» и «вредителей», о чем свидетельствовало падение Постышева. Один из мотивов наказания за «перегибы» исполнителей – угроза падения авторитета партийных организаций. Так, 15 ноября 1938 г. на заседании бюро Борского райкома партии Куйбышевской области разбирался вопрос о практике работы районной прокуратуры и привлечении клеветников к ответственности. На этом заседании бюро отметило, что в практике работы райпрокуратуры имели

место грубые нарушения революционной законности и указаний ЦК. Арестовывались работники районного и сельского актива с квалификацией контрреволюционных преступлений без достаточных оснований⁴⁷. В отношении районного прокурора Пожарова отмечалось, что он потерял всякий авторитет, когда после полной реабилитации членов партии продолжал настаивать на фактах вредительства. В итоге бюро Борского райкома просило обком снять с должности прокурора Пожарова и следователя Красильникова⁴⁸.

Принятием постановления ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»⁴⁹ Сталин давал санкцию на свертывание массового террора одновременно с указанием вины представителей карательных ведомств – органов НКВД и Прокуратуры, злоупотребления которых связывались с деятельностью пробравшихся в их ряды врагами народа. Таким образом, элиты получили сигнал о завершении масштабных террористических кампаний, которому должна была предшествовать еще одна – кампания разоблачения виновников в «перегибах». Импульсы из центра были поняты и подхвачены на местах достаточно быстро. Уже 17 ноября 1938 г. на заседании бюро Куйбышевского обкома ВКП(б), на котором рассматривался вопрос о НКВД, руководитель областной парторганизации Игнатов обвинил чекистов в необоснованных арестах и разгроме партийных кадров в области⁵⁰. Именно после этого начался процесс пересмотра дел на обвиняемых и осужденных. С сентября по декабрь 1937 г. по г. Куйбышеву было исключено из партии 295 человек, из которых впоследствии 138 человек было восстановлено. 20 февраля 1939 г. временно исполняющий обязанности прокурора Куйбышевской области Болдырев в записке на имя прокурора РСФСР Панкратьева отмечал, что итоги по пересмотру дел за 9 месяцев 1938 г. колхозного и совхозного актива выявили перегибы. Всего за этот период в облсуд поступило для проверки 719 дел на 1074 человека. Из этого числа было направлено на прекращение в Верховный суд РСФСР 207 дел на 241 человека⁵¹.

Сотрудники судебных органов, прокуратуры и НКВД подвергались критике за масштабные нарушения при осуществлении репрессивных кампаний. Согласно докладной записке начальника управления Наркомата юстиции РСФСР по Куйбышевской области Шестакова от 17 декабря 1939 г., за 1934–1938 гг. было пересмотрено дел на 36 тыс. колхозников и сельхозактив, рассмотренных в свое время народными судами. Только 30% приговоров были оставлены без изменения. Прекращено дел на 12,7% осужденных⁵². С 18,4 тыс. человек снята судимость (53%). Прекращали дела в основном по незначительным проступкам, которые сотрудники НКВД и прокуратуры трактовали как преступления. Автор отмечал, что «милиция и прокуратура продолжают привлекать

людей к уголовной ответственности за мелочи»⁵³.

На областном уровне судебных инстанций также были выявлены массовые нарушения. За 11 месяцев 1939 г. областным судом из общего числа привлеченных по делам о контрреволюционных преступлениях к уголовной ответственности 619 человек 157 человек были оправданы (25,6%). В отдельных случаях, отмечал начальник управления Наркомата юстиции Шестаков, работники следствия недобросовестно излагали сведения, полученные от свидетелей, а при проверке показаний свидетелей на судебном заседании они резко изменялись, теряя для обвинения доказательную силу».

Как итог пересмотра дел – оправдательные приговоры по делам о контрреволюционных преступлениях, которые говорили о характере злоупотреблений в процессе следствия в отношении рядовых граждан. Например, Н.Д. Разумов, учитель с 15-летним стажем, был привлечен Хворостянским районным отделом НКВД за контрреволюционную агитацию к уголовной ответственности. Следствие велось больше года. Свидетели на суде от своих показаний, данных на предварительном следствии, отказались и изменили их, ссылаясь на неправильность записей их показаний следователями⁵⁴. Другой обвиняемый – С.Ф. Навак – был привлечен Чапаевским районным отделом НКВД по ст.58-6 (шпионаж). Когда это не подтвердилось, его привлекли по ст.58-10 (контрреволюционная агитация). На допросе свидетелей следователем в протокол был вписан ряд фраз контрреволюционного характера, якобы сказанных Новаком. На суде свидетели этих фактов не подтвердили, сообщив суду, что при допросах их следователем их записи были сфальсифицированы. У суда не было оснований не верить им, так как двое из них не знали Новака.

Н.Я. Жирнов был привлечен к уголовной ответственности по ст.58-10 Мелекесским районным отделом НКВД. Следствие велось два года. Жирнова арестовали 30 марта 1937 г., обвинение предъявили через 10 месяцев – 31 января 1938 г. Следствие было закончено только 22 марта 1939 г. Обвинялся Жирнов в основном в том, что выказывал недовольство действиями Мелекесского райкома ВКПб за исключение его из партии. В итоге в апреле 1939 г. суд Жирнова оправдал⁵⁵.

Снятие необоснованных обвинений, пересмотр приговоров в отношении рядовых граждан и членов партии, занимавших руководящие посты, сопровождалось репрессиями по отношению к представителям региональной партийной элиты, на которых была возложена вина за перегибы и подрыв авторитета партии. Об этом свидетельствует кампания в Куйбышевской области по устранению руководителей, связанных с Постышевым в бытность его областным секретарем. 10 октября 1939 г. Военный трибунал Приволжского военного округа на закрытом

судебном заседании в г.Куйбышеве рассматривал дело по обвинению бывшего 2-го секретаря Куйбышевского горкома ВКП(б) М.С. Филимонова. Ему припомнили, что с 1925 г., проживая в г. Н. Ломове Пензенской области, он стоял на контрреволюционных троцкистских позициях, а в 1935 г. был якобы завербован во время работы на Куйбышевском электрокомбинате «в контрреволюционную право-троцкистскую организацию, которая ставила своей целью насильственное свержение советской власти». В сентябре 1937 г., будучи выдвинут на должность 2-го секретаря Куйбышевского горкома, Филимонов, как отмечало следствие, «сознательно скрыл свою троцкистскую деятельность и вошел в прямую связь с контрреволюционной группой Постышева, по заданию которого с вредительской целью принимал участие в избении честных партийных кадров, путем массового необоснованного исключения из партии». В результате Филимонов был приговорен к 15 годам лагерей по совокупности совершенных преступлений на основании статей 58-7 УК РСФСР⁵⁶.

Таким образом, исследование на региональном уровне репрессивных практик в период 1937-1938 гг. подводит нас к определенным выводам. На уровне элиты путем террора решалась проблема управления, манипулирования бюрократией посредством изменений репрессивного курса. Приведенный пример с руководителем Куйбышевского обкома П. Постышевым – наглядная иллюстрация того, как руководители региональных партийных комитетов, деморализованные «колебаниями линии партии», демонстрировали абсолютную лояльность вождю, старались (во многом безуспешно) максимально точно следовать его курсу. Судьба Постышева, как и многих других представителей партийной элиты – старательных проводников сталинского террора, а затем разделивших участь своих жертв, являет собой трагический парадокс. Сначала опала Постышева за беспечность в поиске врагов на Украине, потом наоборот, критика и новое, теперь уже окончательное падение как наказание за злоупотребление властью и «избиение кадров».

На низовом уровне также реализовывалась управленческая задача через усиление контроля и ужесточение наказаний за нарушение трудовой дисциплины, хозяйственные злоупотребления, моральное разложение и т.д. Однако установка на выявление «врагов» и «вредителей» воспринималась «снизу» как повод и возможность направить агрессию на соседа, коллегу по работе и т.д., ссылаясь на волю вождя.

Репрессивные кампании 1937-1938 гг. привели к тому, что элиты и рядовые граждане были подавлены, дезориентированы неожиданными поворотами сталинского террора, а следовательно, лучше управляемы. За кажущимися хаотичными

«приливами» и «отливами» репрессий крылся тактически выстроенный план по укреплению Сталиным личной диктатуры.

Реализация системы террористических мер по отношению к реальным и мнимым оппозиционерам и «вредителям» давала Сталину возможность не только укреплять свою власть, но и контролировать элиту, манипулировать общественными настроениями, направляя их в нужное русло, добиваться (хотя и не всегда) исполнения решений на местах. Когда вопрос о лидерстве в партии уже был решен, террор как способ мобилизации общества был необходим Сталину для поддержания своей власти. При сложившейся политической системе именно таким способом компенсировались бесхозяйственность, ошибки в управлении, нежелание искать более эффективные, но сложные решения. Как свидетельствуют исследования последних лет, выполненные на материалах региональных архивов, помимо направляющей руки вождя накал террора был связан и с поддержкой его в различных социальных группах российского общества, пережившего катастрофу гражданской войны, голод, испытавшего на себе последствия сталинского экономического курса. Репрессии показали высокий уровень конфликтности, сохранявшийся не только в среде простых обывателей, но и в рядах партийной бюрократии. Вследствие этого желание свести счеты с оппонентом, в том числе из материальных и карьерных побуждений, становилось питательной средой для доносительства. Как видно из приведенных архивных материалов, сталинская политика террора провоцировала на такие действия, нанося обществу тяжелую травму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хаустов В. Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010; «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. / Отв. ред. О.Л. Лейбович. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009; *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. Пер. с фр. А.И. Пигалева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010; История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. / Под ред. Е.В. Кодина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009; Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 / Под ред. Е.В. Кодина М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2011; *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий. Пер. с англ. Л.Е. Сидиковой. М.: Российская политическая

- энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
- 2 С 1928 по 1936 г. названия региона, как и его административные границы, менялись: 1928 г. – Средневожская область, 1929 г. – Средневожский край, 1935 г. – Куйбышевский край, 1936 г. – Куйбышевская область.
- ³ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992; *Он же*. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996; *Он же*. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
- ⁴ Рыбкин А.Н., Кушнер Д.Л. «В тщетных поисках смысла...»: О судьбах делегатов XVII съезда ВКП(б) от Средневожского края / НПП «Ретроспектива». Самара: Самар. Дом печати, 1992. Биографии и сводный список делегатов (61 человек), из которых 48 были репрессированы в 1937-38 гг.
- ⁵ Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров. 1917-1991. Биографический справочник. Самара: ООО «БМВ и К», 2010.
- ⁶ Хатаевич Мендель Маркович – первый секретарь Средневожского областного комитета ВКП(б) в 1928-1932 гг. Расстрелян в 1937 г.
- ⁷ Шубриков Владимир Петрович – с июня 1930 г. по март 1937 г. – второй секретарь Куйбышевского крайкома (обкома), с февраля 1937 г. – первый секретарь Куйбышевского горкома ВКП(б). Расстрелян в 1937 г.
- ⁸ Левин Александр Андреевич – в декабре 1934-августе 1937 г. – второй секретарь Средневожского - Куйбышевского краевого (областного) комитета ВКП(б). Арестован. Расстрелян в 1938 г.
- ⁹ КПК – комиссия партийного контроля.
- ¹⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1995. С.160-161.
- ¹¹ Самарский областной архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ).Ф.656. Оп.15. Д.1. Л.2.
- ¹² Там же. Л.4.
- ¹³ Там же. Оп.2. Д.148. Л.17.
- ¹⁴ Там же. Оп.15. Д.1. Л.5.
- ¹⁵ Там же. Л.6.
- ¹⁶ Там же. Л.7.
- ¹⁷ В.П. Шубриков еще весной 1937 г. был отозван из области на должность 2-го секретаря Западно-Сибирского крайкома, а 9 августа 1937 г. был арестован и в октябре расстрелян: Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров... С.190.
- ¹⁸ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.15. Д.1. Л.14.
- ¹⁹ Там же. Л.11.
- ²⁰ Там же. Л.13.
- ²¹ Там же. Оп.16. Д.13. Л.4.
- ²² Там же. Л.5.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л.7.
- ²⁵ Там же. Ф.1141. Оп.18. Д.3. Л.172.
- ²⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: «АИРО-XX». 1995. С.164.
- ²⁷ Там же. С.167.
- ²⁸ Там же. С.159, 160.
- ²⁹ Там же. С.160.
- ³⁰ Там же. С.164.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С.167.
- ³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.120. Д.327. Л.2 (справка Куйбышевского обкома ВКПб и выписки из протоколов пленумов городских и районных Советов Куйбышевской области о выведении депутатов из состава Советов в 1937 г., собранные в связи с поездкой А.А. Андреева на пленум обкома).
- ³⁵ Там же. Л.1.
- ³⁶ Там же. Л.27.
- ³⁷ Там же. Д.328. Л.36.
- ³⁸ Там же. Л.37.
- ³⁹ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.2. Д.139. Л.17.
- ⁴⁰ Там же. Д.146. Л.126.
- ⁴¹ О ходе расследования дела о гибели Герасимова и его супруги старший помощник областного прокурора по Куйбышевской области Б. Москвичева сообщал в докладной записке от 29 апреля 1938 г.: СОГАСПИ. Ф.656. Оп.17. Д.13 (переписка с судом и прокуратурой). Л.5.
- ⁴² В одном из обвинений (довольно стандартных в тот период) указывалось, что Герасимов скрыл от партии службу у белочехов в 1918 г. Однако дальнейшей прокурорской проверкой было установлено, что служил он всего 3 недели по мобилизации, потом бежал и работал в комитете бедноты, что и указал в партийной учетной карточке. Не скрывал Герасимов и своей судимости в 1931 г. (осужден к исправительно-трудовым работам). Довольно сомнительной выглядела «вредительская деятельность» Герасимова. В докладной записке руководителя районного отдела образования Ерощкина отмечалось, что Герасимов якобы «не по назначению израсходовал 21 центнер хлеба из фонда ученических завтраков, загноил 500 пудов картофеля». Расследование не выявило вредительства Герасимова: хлеб из фонда продавался учителям и распределялся между нуждающимися учениками, себе Герасимов взял только 32 кг, в то время как в доносе районного руководства образования фигурирует цифра в 40 пудов. Порча картофеля хотя и имела место, однако никаких подтверждений того, что это было сделано умышленно, прокуратура не обнаружила.
- ⁴³ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.17. Д.13. Л.6.
- ⁴⁴ Там же. Оп.16. Д.3. Л.15.
- ⁴⁵ Там же. Л.14.
- ⁴⁶ Там же. Оп.17. Д.13. Л.115.
- ⁴⁷ Там же. Л.16.
- ⁴⁸ Там же. Л.16об.
- ⁴⁹ См. публикацию документа: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937-1939. Книга 2. 1938-1939. М., РОССПЭН, 2006. С.307-311.
- ⁵⁰ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.4. Д.82. Л.29.
- ⁵¹ Там же. Оп.17. Д.13. Л.17.
- ⁵² Там же. Л.151.
- ⁵³ Так, например, колхозницы Никитина и Кузьмина были преданы суду за то, что на колхозном току набрали из охвостьев 2 кг гречи, шофер Сорокин – за то, что по неосторожности задавил на дороге курицу,

и т.д.: Там же. Л.151.

⁵⁴ Там же. Л.152.

⁵⁵ Там же. Л.153.

⁵⁶ Там же. Л.142.

**THE ELITES AND SOCIETY IN THE TIMES OF REPRESSION, 1937-1938
(ON THE EXAMPLE OF KUIBYSHEV REGION)**

© 2015 A.V. Zaharchenko

Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University,
Volga Branch of Institute of the Russian History of the RAS, Samara

The article examines the mechanisms of realization of Stalinist repressions in 1937-1938 on the example of Kuibyshev region. The author reveals the impact of the policy of terror at the provincial elite and society.
Keywords: repression, terror, Kuibyshev region, Party elite, Soviet society.